

Александр Иванович Куприн

Московская Пасха

Александр Иванович Куприн

Московская Пасха

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2545935

Аннотация

«Московские бульвары зеленеют первыми липовыми листочками. От вкрадчивого запаха весенней земли щекотно в сердце. По синему небу плывут разметанные веселые облачки; когда смотришь на них, то кажется, что они кружатся, или это кружится пьяная от весны голова?..»

Александр Иванович Куприн Московская Пасха

Московские бульвары зеленеют первыми липовыми листочками. От вкрадчивого запаха весенней земли щекотно в сердце». По синему небу плывут разметанные веселые облачки; когда смотришь на них, то кажется, что они кружатся, или это кружится пьяная от весны голова?

Гудит, дрожит, поет, заливаается, переливается над Москвой неумолчный разноголосый звон всех ее голосистых колоколов.

Каждый московский мальчик, даже сильно захудалый, самый сопливый, самый обойденный судьбою, имеет в эти пасхальные дни полное, неоспоримое, освященное веками право залезать на любую колокольню и, жадно дождавшись очереди, звонить сколько ему будет угодно, пока не надоест, в любой из колоколов, хоть в самый громадный, если только хватит сил раскачать его сорокапудовый язык и мужества выдержать его оглушающий, сотрясающий все тело медный густой вопль. Стаи голубей, диких и любительских, носятся в голубой, чистой вышине, сверкая одновременно крыльями при внезапных поворотах, и то темнея, то серебрясь и почти растаивая на солнце.

Как истово-нарядна, как старинно-красива коренная, кондовая, прочная, древняя Москва. На мужчинах темно-синие поддевки и новые картузы, из-под которых гладким кругом лежат на шее ровно обстриженные, блестящие маслом волосы... Выпущенные из-под жилеток косоворотки радуют глаз синим, красным, белым и канареечным цветом или веселым узором в горошек. Как румяны лица, как свежи и светлы глаза у женщин и девушек, как неистово горят на них пышные разноцветные московские ситцы, как упоительно пестрят на их головах травками и розанами палевые кашемировые платки и как степенны на старухах прабабушкины шали, шоколадные, с желтыми и красными разводами в виде больших вопросительных знаков!

И все целуются, целуются, целуются... Сплошной чмок стоит над улицей: закрой глаза – и покажется, что стая чечеток спустилась на Москву. Непоколетим и великолепен обряд пасхального поцелуя. Вот двое осанистых степенных бородачей издали приметили друг друга, и руки уже распространились, и лица раздались вширь от сияющих улыбок. Наотмашь опускаются картузы вниз; обнажая расчесанные на прямой пробор густоволосые головы. Крепко соединяются руки. «Христос воскрес!» – «Воистину воскрес!» Головы склоняются направо – поцелуй в левые щеки, склоняются налево – в правые, и опять в левые. И все это не торопясь, важегато¹.

¹ Здесь: степенно, уважительно.

– Где заутреню стояли?

– У Спаса на Бору. А вы?

– Я у Покрова в Кудрине, у себя.

Воздушные шары покачиваются высоко над уличным густым движением на невидимых нитках разноцветными упругими легкими весенними гроздьями. Халва и мармелад, пастила, пряники, орехи на лотках. Мальчишки на тротуарах у стен катают по желобкам яйца и кокаются ими. Кто кокнул до трещины – того и яйцо.

Пасхальный стол, заставленный бутылками и снедью. Запах гиацинтов и бархатных жонкилий. Солнцем залита столовая. Восторженно свирестят канарейки.

Юнкер Александровского училища в новеньком мундирчике, в блестящих лакированных сапогах, отражающихся четко в зеркальном паркете, стоит перед милой лукавой девушкой. На ней воздушное платье из белой кисеи на розовом чехле. Розовый поясик, роза в темных волосах.

– Христос воскресе, Ольга Александровна, – говорит он, протягивая яичко, расписанное им самим акварелью с золотом.

– Воистину!

– Ольга Александровна, вы знаете, конечно, православный обычай...

– Нет, нет, я не христосуюсь ни с кем.

– Тогда вы плохая христианка. Ну, пожалуйста. Ради великого дня!

Полная важная мамаша покачивается у окна под пальмой в плетеной качалке. У ног ее лежит большой рыжий леонбергер.

– Оля, не огорчай юнкера. Поцелуйся.

– Хорошо, но только один раз, больше не смейте.

Конечно, он осмелился.

О, каким пожаром горят нежные атласные прелестные щеки. Губы юноши обожжены надолго. Он смотрит: ее милые розовые губы полуоткрыты и смеются, но в глазах влажный и глубокий блеск.

– Ну, вот и довольно с вас. Чего хотите? Пасхи? Кулича? Ветчины? Хереса?

А радостный, пестрый, несмолкаемый звон московских колоколов льется сквозь летние рамы окон...